

Акад. В. В. Струве

ДАРИЙ I И СКИФЫ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

За последние 10 лет рядом буржуазных исследователей Запада (Юнге, Вейсбах, Хипц, Кент, Камерон) высказано было предположение, что в списках «стран, которые Дарий царь держал в подчинении»¹, была упомянута и страна причерноморских скифов. Дарий утверждал в своих надписях, что страны, входившие в состав его державы, «мне подати приносили, что им мной было сказано, как ночью, так и днем, это они выполняли»². Даже Аравия, не обложенная податью, ежегодно приносила царю в дар тысячу талантов ладана (Н е г., III, 97) и была обязана предоставлять армии царя пеших и конных воинов (Н е г., VII, 69 и 86). На этом основании предполагают, что и скифы Причерноморья находились в определенной зависимости от царя, раз они были перечислены в списке подвластных персидской державе народов или стран.

Однако это противоречит сообщениям Геродота об успешном отражении скифами персидского нашествия и представляет откровенную фальсификацию с целью принизить великое прошлое нашей Родины. Мы не имеем основания сомневаться в правдивости рассказа отца истории о скифском походе Дария I; исследования последних десятилетий показали, что труд Геродота является ценным источником для истории Востока VII—V вв.³ Достоверность повествования Геродота о скифском походе Дария в настоящее время подтверждается и тем, что, как теперь доказано, поход, упомянутый в пятом столбце Бехистунской надписи, не имеет ничего общего с походом против скифов IV книги Геродота⁴. Правда, остается еще возможность допущения второго, более успешного вторжения персов в степи Причерноморья. Вейсбах (ZA, 46, стр. 80) высказал догадку, что данное событие получило свое отражение в рассказе Ктесия о морском рейде сатрапа Кашпадокии Ариарамна на черноморское побережье. Во время этого набега, предпринятого по повелению Дария, Ариарамн достиг на 30 кораблях побережья Скифии, захватил пленных и между ними брата

¹ Накширустемская надпись *a*, строки 39—41

² Бехистунская надпись, I, 19—20. Подобные же утверждения мы находим и в других надписях Дария I.

³ См. об этом в статье В. В. Струве, Геродот и политические партии Ирана эпохи Дария I, ВДИ, 1948, № 3, стр. 12 сл.

⁴ W. H i n z, Der Sakenzug des Darius. ZDMG, 93 (1939), стр. 364; А. А. Ф р е й - м а н, ВДИ, 1940, № 2, стр. 127; R. G. K e n t, Darius' Behistan Inscription, JNES, II (1943), стр. 105 сл.; В. В. Струве, Поход Дария I на саков-массагетов, ИАН ОИФ, 1946, № 3, стр. 231 сл.

царя скифов Марсагета¹. Царь скифов Скифарб написал оскорбительное письмо Дарию. Последний, ответив таким же письмом, вторгся с громадным войском в пределы Скифии².

Мы видим таким образом, что в повествовании Ктесия набег Ариарамна на северное побережье Черного моря предшествовал походу Дария на скифов, а не следовал за ним. Правда, можно допустить, что данное искажение исторической перспективы является одной из многих неточностей Ктесия, которого и древние и современные авторы обвиняли с полным основанием в небрежном отношении к исторической традиции³. Во всяком случае историческая ценность только что приведенного рассказа Ктесия будет сведена на-нет, если мы осознаем, что он является не чем иным, как весьма неточной и сумбурной передачей сообщения о походе Дария I на саков-массагетов, увековеченного в пятом столбце Бехистунской надписи. Действительно, мы находим здесь также упоминание о пленении одним из военачальников Дария некоторого количества врагов и среди них одного из вождей саков-массагетов⁴. Имя массагетов нашло свое отражение в рассказе Ктесия в имени брата скифского царя «Марсагет», в котором нетрудно угадать прообраз этнического имени «массагет».

Ктесий в своем неудержимом стремлении дополнить или исправить данные труда ненавистного ему Геродота воспользовался рассказом одного из своих персидских осведомителей о победоносном походе Дария на массагетов, чтобы внести новый, Геродоту неизвестный момент в повествование о вторжении Дария в южнорусские степи. Что-нибудь существенно новое о походе Дария на черноморских скифов Ктесий, конечно, в начале IV в. узнать не мог. Трудно также предположить, чтобы Геродот в середине V в., будучи хорошо знаком с ионийской историографией, ничего не знал о вторичном и более удачном походе Дария на скифов Причерноморья.

Следовательно, для лиц, настаивающих на включение Дарием и скифов в число покоренных народов, остается лишь одна возможность защитить свою точку зрения: они должны допустить, что надписи Дария I не отражают исторической действительности. Подобный выход из создавшегося затруднения также не является слишком удачным, так как открытия последнего времени доказали, что исторические надписи персидского царя столь явно фактам не противоречили.

Действительно, хронологическое определение Дарием I в Бехистунской надписи своего восшествия на престол и двух восстаний в Вавилонии находит свое полное подтверждение в документальном свидетельстве деловых клинописных табличек Вавилонии. Сравнительно не столь давно вызывало сильнейшее сомнение настойчиво повторяемое в Бехистунской надписи утверждение Дария I о том, что он в течение одного лишь своего первого года правления подавил все многочисленные мятежи, вспыхнувшие в его обширной державе. Теперь же, после находки в персепольском архиве эламских клинописных табличек древнеперсидского календаря в полном его объеме⁵, вызывавшее сомнение утверждение Дария нашло свое блестящее подтверждение. Но правдивость списка покоренных на-

¹ Согласно Ктесию, Марсагет содержался своим братом узником за какой-то проступок.

² С. Müller, *Stesiae Cnidii fragmenta*, P., 1887, фрагм. 29, 16—17 (стр. 49).

³ Так, упомянутый Ктесием сатрап Каппадокии Ариарамн не мог быть сатрапом названной области, так как последняя входила тогда в состав сатрапии Даскилея.

⁴ В. В. Струве, *Поход Дария I на саков-массагетов*, ИАН ОИФ, 1946, № 3, стр. 233 и 246.

⁵ А. А. Фрейман, *Древнеперсидский календарь*, ВДИ, 1946, № 3, стр. 15 сл.

родов можно было проверить легче, нежели правдивость исторического повествования надписей, следовательно, мы имеем основание утверждать, что список этот включал лишь те народы, которые действительно были покорены Дарием.

Правда, еще до 1929 г. казалось, что есть возможность уличить Дария в подобной лжи. Дело в том, что тогда являлось до некоторой степени закономерным сопоставление «карка» накширустемского перечня подвластных народов, следующих за африканскими Кушем и Пултом, с Карфагеном¹, который, как известно, никогда не был покорен персами. После 1929 г. сопоставление «карка» с Карфагеном стало уже невозможным, ибо в этом году была издана большая надпись Дария I о построении своего дворца в Сузах². В ней упомянуты и «карка»: ливанские кедры «от Вавилона (народ) карка и ионийцы доставили до Суз» (стк. 33—34). На основании данного контекста исследователи уже не могли больше отождествлять «карка» с Карфагеном, а сопоставляли их с одним из малоазиатских народов — с карийцами или с киликийцами (В. И. Абаев, ук. соч., стр. 131).

Мы пришли на основании сказанного к определенному выводу, что скифы Причерноморья не могли быть включены Дарием I в число народов, подвластных его державе. Об этом говорит, несомненно, и то обстоятельство, что в походе Ксеркса на Грецию черноморские скифы не участвовали, хотя контингенты всех подвластных народов, как обложенных податью, так и приносящих дары царю, были введены в состав персидского войска.

Тем не менее, как мы выше видели, некоторые исследователи настаивают и в настоящее время на том, что Скифия упоминалась Дарием в перечне покоренных стран. Они готовы отождествить «*sakā tuai [y ra] radraū*» — «саков, которые за морем», перечисленных в перечне народов Накширустемской надписи *a* (стк. 28—29), со скифами Причерноморья. Американский иранист Кент приводит в пользу данного отождествления наиболее полную аргументацию. Последняя покоится на анализе пяти основных из известных нам древнеперсидских списков подвластных стран, приведенных в следующих надписях: 1) Бехистунской надписи (1, 14—17), 2) Персепольской надписи *e* (10—18), 3) надписи *e* из Суз (21—30),³ 4) Накширустемской надписи *a* (22—30) и 5) надписи о дэвах (19—28), оставленной не Дарием I, как предшествующие четыре, а сыном его Ксерксом⁴.

Кент расположил указанные списки народов державы Дария и Ксеркса в хронологическом порядке⁵, но не сделал из этого никакого исторического вывода. Он совсем не учитывает возможности, что в одном из более поздних списков могла исчезнуть та или другая область в связи с поли-

¹ См. хотя бы В. А. Турев, История древнего Востока², II, 1913, стр. 188.

² См. последнее известное мне исследование об этой надписи: В. И. Абаев, Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузах, Сб. «Иранские языки», АН СССР, I (1945), стр. 127 сл.

³ Надпись была составлена из четырех разрозненных фрагментов, см. F. H. Weissbach, Die dreisprachige Inschrift Darius Susae, ZA, 46 (1938), стр. 150 сл. Сильно разрушенный древнеперсидский текст списка восстановлен на основании сравнительно хорошо сохранившегося вавилонского текста.

⁴ См. Л. А. Ельницкий Новая надпись Ксеркса, ВДИ, 1940, № 2, стр. 168, В. В. Струве, Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов, ИАН ОИФ, 1944, № 3, стр. 123 сл.; В. И. Абаев, Антидэвовская надпись Ксеркса, Сб. «Иранские языки», I, стр. 134, сл.

⁵ Правда, Кент не указывает на это в своей статье: «The lists of Provinces» (JNES, II), но эта мысль с необходимостью вытекает из его изложения, поскольку на первом месте Кент приводит список Бехистунской надписи, а на последнем — список надписи Ксеркса о дэвах.

тическими событиями, которые нарушали мир персидской державы. Кент обратил свое внимание исключительно на тот своеобразный контекст, в котором приведены в перечне народов — «yaunā» — «ионийцы» и «sakā» — «саки»¹. Действительно, в противоположность всем другим перечисленным странам, герр. народам, ионийцы и саки упоминаются не в единственном числе, а несколькими группами, отличающимися друг от друга какой-либо особой характеристикой. Так, Персепольская надпись *e* отличает следующие две группы ионийцев: «yaunā tyaiy uškahyā utā tyaiy drayahyā» — «ионийцы, которые материка и которые на море»².

По мнению Кента, мы находим те же две группы ионийского народа и в первой по времени надписи Дария I, а именно в Бехистунской надписи. Они упоминаются здесь в следующем контексте: «mudraya tyaiy drayahyā sparda yaunā mada»³ и т. д., то есть «Египет, которые на море Сарды, ионийцы, Мидия». Можно согласиться с Кентом, что «ионийцы» Бехистунской надписи соответствуют группе греческого народа, названной в Персепольской надписи *e*-«ионийцы, которые материка», т. е. греческому населению западного побережья Малой Азии. С утверждением же Кента, что «которые на море» Бехистунской надписи тождественны с «(ионийцами), которые на море» Персепольского текста, безоговорочно согласиться нельзя⁴.

Дело в том, что список Бехистунской надписи отражал состояние державы Дария I на самой ранней стадии ее развития, а именно после первого года правления царя, когда ему удалось восстановить в полном объеме все то, что было завоевано Киrom и Камбизом. Но в государство первых двух Ахеменидов еще не входили острова Эгейского моря: тогда основной областью «на море», подвластной персам, был остров Кипр, который был заселен не только греками, но и финикийцами. Поэтому было вполне естественным отделение тех, «которые на море», от «ионийцев» и присоединение их к Египту, ближайшему соседу Кипра⁵. Перевод «mudraya tyaiy drayahyā» выражением «Египет, который в море», а не «Египет[и] которые в море», невозможен, так как древнеперсидское слово «tyaiy» является относительным местоимением мужского рода в именительном падеже множественного числа и оно, следовательно, не может быть связано с «mudraya» — именительным падежом существительного мужского рода единственного числа. Вавилонский переводчик Бехистунского списка во избежание какого-либо недоразумения изъял из текста несклоняемое определительное местоимение «ša», соответствующее древнеперсидскому «tyaiy», и дал перевод лишь одного древнеперсидского «drayahyā» — «на море». Вавилонский писец исключил, очевидно, «ša» из текста, так как оно могло, будучи несклоняемым, вполне закономерно быть синтаксически связанным с предшествующим «misir» — «Египет». Несомненно по этим же соображениям эламский писец и перевел древнеперсидское «tyaiy drayahyā» — «которые на море» одним эламским словом, означающим

¹ Согласно Геродоту (VII, 64), «Персы всех скифов называют саками».

² То-есть ионийцы, заселяющие западное побережье Малой Азии, и ионийцы островов Эгейского моря и, вероятно, Родоса.

³ Стб. I, стк. 15. Мы видим, что Египет назван здесь вне всякого сомнения. Назван Египет и в вавилонском и в эламском переводах разбираемого списка. Тем не менее американский исследователь Г. Камерон (JNES, II) 1943, (стр. 308) утверждает, что список сатрапий Бехистунской надписи «не включает Египет, Индию и некоторое количество областей, которые встречаются в других (и поэтому более поздних) текстах».

⁴ См. схему № 2 в указанной работе Р. Кента

⁵ При царе Амасисе II Кипр был даже присоединен к Египту, см. Б. А. Турев. История древнего Востока³, II, стр. 107.

«моря», и отделил его от предшествующего «missariyap» — «Египет» союзом «ak» — «и»¹.

На основании сказанного я полагаю, что «*tuaiu dṛayahuā*» — «которые на море» Бехистунской надписи не может быть отождествлено ни по существу, ни по синтаксическим соображениям с «*tuaiu dṛayahuā*» Персепольского списка. Последнее следует рассматривать как характеристику одной из групп греческого народа, подвластной персам, а именно населения островов Эгейского моря, покоренного в первые годы правления Дария. Что же касается «*tuaiu dṛayahuā*» Бехистунской надписи, то тогда, во втором году правления Дария, оно обозначало в основном финикийско-греческое население Кипра. Когда же в связи с завоеванием островов Эгейского моря округ тех, «которые на море», превратился в область, населенную преимущественно греками, то Кипр с его финикийско-греческими городами был выделен из этого округа и присоединен к пятому округу, в состав которого, согласно Геродоту (III, 91), входили: «вся Финикия, Палестина, именуемая Сирией, и Кипр».

Персепольская надпись *e* должна быть, очевидно, датирована временем, когда остров Кипр был присоединен в административном отношении к области, населенной двумя столь близкими друг к другу народами — финикийцами и евреями. Новое чтение интересующего нас места Персепольской надписи, данное Г. Камероном, позволяет сделать весьма важный исторический вывод². Все исследователи до Камерона читали в Персепольской надписи непосредственно вслед за «ионийцами, которые материка и которые на море» — «*uta dahyava tya ragaunaiya*» и страны которые на Востоке³. Контекст, казалось подтверждал подобное чтение, поскольку в дальнейшем следовал перечень областей Востока. Однако эпиграфическое изучение надписи на месте, в Персеполе, позволило Г. Камерону доказать, что чтение «*ragaunaiya*» — «на Востоке» является неправильным и должно быть заменено правильным «*ragadaraya*» — «за морем». Следовательно, Персепольский список называл за ионийцами материка и островов не «страны, которые на Востоке», а «страны, которые за морем». Последние могут быть в данном контексте локализованы только на европейском побережье Геллеспонта и Пропонтиды.

«Страны, которые за морем» Персепольского списка, были завоеваны персами еще до похода Дария I на скифов Причерноморья, относящегося примерно к 515 г. Действительно, Мильтиад, правитель фракийского Херсонеса, сопровождал Дария во время его похода и, следовательно, признавал верховную власть персидского царя. Геродот нам ничего не сообщает о борьбе с греческими городами или фракийскими племенами юго-западного Причерноморья. В качестве непокоренных Геродот отмечает лишь фракийцев около Салмидесса и тех, которые жили выше Аполлонии и Месамбрии и именовались «скирмнадами» и «нинейями». Он указывает на то, что они сдались без боя, и подчеркивает, что одни геты, наиболее мужественные из фракийцев, оказали сопротивление, хотя и были побеждены (Her., IV, 93).

Завоевание области побережья Геллеспонта и Пропонтиды⁴ было

¹ Союз «ak» отделяет в эламском списке Бехистунской надписи отдельные этнические и географические названия друг от друга.

² G. G. Cameron, Darius, Egypt and the «Land beyond the Sea», JNES, II (1943), стр. 308.

³ См. хотя бы W. Hinz, Altpersischer Wortschatz, 1942, стр. 115. Правда, автор снабжает интерпретацию слова вопросительным знаком и замечает, что «чтение, форма и толкование ненадежны».

⁴ Конечно, это завоевание было не полным. Геродот (V, 1—2) нам сообщает о завоевании персидским полководцем Мегабазом уже после скифского похода Дария города Перинфа.

обусловлено, очевидно, желанием Дария завладеть ключом к торговому пути, соединяющему греческие города-государства с богатым Черноморским краем. Данные Персепольского списка представляют нам возможность сравнительно точно определить время завоевания политически столь важных для персидской державы «стран, которые за морем». Дело в том, что в этом списке названы «саки» лишь как один народ, и притом без какой-либо особой характеристики, в противоположность надписи Сузы *e*, в которой названы саки амиргийские¹ и саки с остроконечными шапками. Поскольку в число саков с остроконечными шапками входили и те саки, которых покорил Дарий, согласно V столбцу Бехистунской надписи, то список Персепольской надписи *e* был, очевидно, составлен еще до этого похода Дария. Последний же должен быть датирован 517 г. до н. э.² Следовательно, «страны, которые за морем», стали подвластны Дарию еще до 517 г. Вероятно, их завоевание было связано с походом Отаны, одного из семи заговорщиков против мага Гауматы, на Самос и на другие острова Эгейского моря³. Возможно даже, что повествование Геродота о завоеваниях Отаны, преемника Мегабаза (Her., V, 26—28), переплелось до некоторой степени с традицией о деяниях Отаны, завоевателя Самоса.

В только что упомянутом списке надписи Сузы *e*, кроме амиргийских саков и саков с остроконечными шапками, упомянута, по мнению Р. Кента, еще и третья группа саков. Последние, правда, не названы «саками», а обозначены термином «которые на берегу моря живут» (в вавилонском переводе Сузианского списка, который для исследователя надписи является основным текстом, благодаря сравнительно хорошей сохранности)⁴. Контекст списка объединяет тех, «которые на берегу моря живут», с ионийцами: «страна ионийцев на мо[ре и которые] на берегу моря живут» (стк. 20—21). К сожалению, и вавилонский текст Сузианской надписи, как мы видим, тоже несколько пострадал в этом месте, но, к счастью, мы располагаем прекрасным параллельным текстом — списком надписи о дэвах. Список этой надписи эпохи Ксеркса хорошо сохранился как в древнеперсидском оригинале, так и в вавилонском переводе. Пострадал лишь несколько эламский перевод списка.

На семнадцатом месте этого списка, после упоминания Египта, мы читаем: «ионийцы, которые в море живут, и которые за морем живут»⁵. Вполне естественным толкованием приведенного места списка надписи о дэвах, а также соответствующего места списка Сузианской надписи *e* является утверждение о наличии здесь двух групп ионийцев, гезр. греков: греков островов Эгейского моря и греков европейского побережья Геллеспонта и Пропонтиды. Однако Кент отказался от данного столь естественного толкования текста и предложил свою интерпретацию, согласно которой здесь упоминаются не два, а три народа: «1) Иония, или ионийцы, материка, 2) те, которые суть, или живут на море, не названные ионийцами, хотя в действительности они были ионийцами, 3) те, которые суть,

¹ О локализации амиргийских саков см. В. В. Григорьев, О скифском народе саках, Спб., 1871, стр. 57 сл.

² Установлению даты этого похода Дария посвящено мое исследование «Датировка Бехистунской надписи», которое будет опубликовано в одном из следующих номеров ВДИ.

³ Правитель Хиоса участвовал в походе Дария на скифов, см. Her., IV, 138.

⁴ Ср. прим. 3 на стр. 17 настоящей статьи. Вавилонский перевод называет, как известно, саков «gimig», т. е. «кимме ийцами». Слово же «море» переводится вавилонским писцом «nagu marratu» «река горькая». Об этом вавилонском переводе слова «моря» нам придется говорить ниже.

⁵ Стк. 23—25 древнеперсидского текста и стк. 18—19 вавилонского.

или которые живут за морем, названные скифами в Накширустемской надписи» (JNES, II (1943) стр. 305).

Возражая против интерпретации, предложенной Кентом, следует прежде всего сказать, что список Накширустемской надписи не является параллельным текстом по отношению к двум другим в столь полном смысле слова, как это предполагает Кент. Действительно, мы находим здесь (стк. 28—29) следующее перечисление стран, resp. народов: «Иония, саки, которые за морем, фракийцы [скудра]¹, ионийцы, щит носящие»² и т. д. Следовательно, в данном списке две группы ионийского народа не перечислены, как в двух вышеуказанных списках, непосредственно друг за другом, но между ними вклиниваются «саки, которые за морем», и фракийцы.

Другим весьма веским доводом против интерпретации Кента является то обстоятельство, что в вавилонском переводе древнеперсидского относительного местоимения «*tuaiu*» «которые» как в Сузианской надписи *e*, так и в надписи о дэвах, мы находим его вавилонское соответствие «*ša*»³. В эламский же версии древнеперсидское «*tuaiu*» передано относительным местоимением «аккаре»⁴. Указанный факт свидетельствует со всей определенностью, что вавилонский писец, а также и эламский, объединяли в одно этническое целое ионийцев «которые на море живут и которые за морем живут». Ведь, как выше было показано, в списке Бехистунской надписи, где выражение «которые на море» являлось самостоятельным звеном списка, вавилонский писец, а также его эламский товарищ не вводили в свой перевод во избежание недоразумения свои соответствия для древнеперсидского «*tuaiu*» — «которые».

Путем привлечения свидетельства вавилонского и эламского переводов соответствующих звеньев списков стран и народов надписей Дария и Ксеркса мы можем избежать того почти непреодолимого затруднения, которое встает перед исследователем, если он признает закономерность вышеуказанной интерпретации Кента. Становясь на точку зрения последнего, мы должны будем грамматически тождественные выражения, как «*uaunā tuaiu uskahya*» (Персепольская надпись *e*), с одной стороны, и «*uaunā tuaiu drayahyā*» (Сузинская надпись *e*), resp. «*tuaiu drayahyā darayahyā*» (надпись о дэвах), с другой, — переводить в корне отличным образом. В первом случае Кент переводит это выражение одним термином, а именно: «ионийцев материка», во втором же случае грамматически тождественное выражение он передает как название не одного народа, а двух — «ионийцев» и тех, «которые на море».

Правда, Кент пытается найти надежное обоснование для той или другой возможности предлагаемого им перевода в контексте изучаемого им списка (JNES, II, стр. 305, прим. 14). Так, в пользу своей интерпретации «*uaunā tuaiu drayahyā*» как «ионийцев» и тех, «которые на море» Кент находит аргумент в том обстоятельстве, что ни в Сузианской надписи *e*, ни в надписи о дэвах не имеется прямого указания на наличие в перечне подвластных стран ионийцев побережья Малой Азии, упоминаемых в списке народов Персепольской надписи *e*. Выход из данного затруднения он ищет в расщеплении выражения «ионийцы, которые на море», на два

¹ Этническое имя, которое продолжает жить, по мнению некоторых исследователей, в современном «Скутари».

² Так названы, очевидно, в надписи греки европейского материка, поскольку они были тогда подчинены державе Дария.

³ Стк. 18—19 вавилонского перевода надписи о дэвах.

⁴ Стк. 20 эламского перевода надписи о дэвах. Эламский перевод Сузианской надписи *e* здесь, к сожалению, совсем разрушен.

этнических термина, из которых «ионийцы» соответствуют грекам Малой Азии, а «которые на море» — населению островов.

Я полагаю, что предложенная Кентом интерпретация не только противоречит тем филологическим соображениям, на которые я выше указывал, но не устраняет и стоящие перед ней затруднения исторического характера. Действительно, соглашаясь с интерпретацией Кента, мы все же не решаем вопроса о судьбе греческого населения северного побережья Пропонтиды, Геллеспонта и Эгейского моря, которое с известного момента находилось под властью Дария I. Ряд исследователей отождествляет «ионийцев щит носящих» («*yauna takabara*») Накширустемской надписи *a*¹ с греками европейского материка. Как бы то ни было с данным отождествлением, но во всяком случае является несомненным, что в списках сатрапий в надписях Дария Сузы *e* и Накширустемской надписи *a* упоминаются греки европейского материка.

Для Дария, стремившегося к покорению Эллады, область северного побережья Эгейского моря, Геллеспонта и Пропонтиды была весьма удобным плацдармом, и поэтому, естественно, он должен был включить эту пограничную область в систему своих сатрапий в виде самостоятельной единицы. Столь же существенным административным звеном персидской державы оставалась эта область и для доведения дела, начатого его отцом, до победоносного конца. Тогда он организовал даже в виде самостоятельной провинции своей державы и страну македонцев. Она была включена в список надписи о дэвах, восходящей к началу правления Ксеркса², под названием «Акауфачия», т. е. «жители горных стран»³. Тем более должен был Ксеркс, все помыслы которого были направлены в сторону Эллады, сохранить в виде самостоятельных административных единиц и острова Эгейского моря как базу для персидского флота и северное побережье Эгейского моря как плацдарм для персидского войска. Мы, действительно, находим и ту и другую из названных областей в списке надписи Ксеркса (если следовать толкованию соответствующего места данного текста, предложенному советским иранистом В. И. Абаевым): «ионийцы, обитающие на море, и (ионийцы) обитающие за морем»⁴.

Исчезновение же греков малоазиатского побережья из списка народов надписей Дария I, Сузианской *e* и Накширустемской *a* и надписи о дэвах Ксеркса нас не должно смущать. Оно было обусловлено, очевидно, «неблагонадежностью», проявленной правителями греческих городов Малой Азии во время похода на скифов (Н е г., III, 137) и подозрительным поведением Гистия после похода (Н е г., IV, 23). Геродот сообщает, что после этого Дарий назначил наместником Сард единокровного брата своего Артафренеса (V, 25) и, предоставив ему огромное войско и многочисленные корабли, поручил ему управление всеми приморскими народами в Азии (Н е г., V 30). Поход мятежных ионийцев на Сарды был, следовательно, вызван желанием расправиться с сатрапом, управлявшим не только Лидией, но и всем побережьем Малой Азии. На основании сказанного мы можем утверждать, что «Спарда», т. е. Лидия, в надписях Дария после 513 г. и в надписи Ксеркса о дэвах обнимала собой и побе-

¹ В. И. Абаев переводит «*takabara*» (правда, с вопросительным знаком) «носящие шлемы», см. «Хрестоматия по древней истории» под ред. В. В. Струве, I, 1936, стр. 96.

² В. В. Струве, Надпись Ксеркса о дэвах и религия персов, ИАН ОИФ, 1944, № 3, стр. 135 сл.

³ В. В. Струве, Поход Дария I на саков-массагетов, ИАН ОИФ, 1946, № 3, стр. 242.

⁴ В. И. Абаев. Антидэвовская надпись Ксеркса, Сб. «Иранские языки», I, стр. 136.

режье Малой Азии, т. е. «ионийцев материка» Персепопольской надписи *e*, датируемой первыми годами царствования Дария I.

Решив вопрос об ионийцах в надписях Дария I и Ксеркса, мы можем теперь, опираясь на результаты предшествующего исследования, вернуться к решению вопроса о саках в тех же самых надписях. Мы выше видели, что в наиболее ранних списках правления Дария I — в Бехистунском и Персепопольском — саки упоминались лишь по одному разу и без какой-либо особой характеристики. Из данного факта можно сделать вывод, что названные списки были составлены до 517 г., когда Дарий покорил саков-массагетов, носивших, подобно многим другим сакским племенам, остроконечные шапки¹. В Сузианском списке мы находим уже упоминание о двух сакских народах — о саках-амиргийцах и саках с остроконечными шапками — и должны, следовательно, умозаключить, что список был составлен после 517 г. до н. э. Поскольку в Сузианском списке исчезли ионийцы Малой Азии, мы вынуждены отодвинуть составление списка еще дальше, а именно ко времени, следующему за неудачным походом на скифов Причерноморья. Вскоре после этого, надо полагать, был составлен и последний из списков стран и народов эпохи Дария — список Накширустемской надписи *a*.

Здесь мы находим наряду с амиргийскими саками и саками с остроконечными шапками еще и третий сакский народ — «*sakā tyaiy paraḍrayā*», «саки, которые за морем». Они перечислены в перечне 29 стран² на 23 месте (стк. 28—29). Контекст списка, в котором упомянуты «саки за морем», дает, казалось бы, основание для отождествления их со скифами Причерноморья. Дело в том, что в списке они стоят не рядом с саками амиргийскими и саками с остроконечными шапками (13 и 14 вместо списка), а между «ионийцами» и «скудра», т. е. фракийцами.

Если бы перечисление народов в Накширустемском списке было обусловлено географическим принципом, то «саки, которые за морем», должны были бы быть локализованными в степях Причерноморья, но дело в том, что в основу перечисления был положен момент исторический. Дарий пожелал в списке своей гробничной надписи представить главнейшие вехи своих завоеваний, создавших его державу. Первые 22 народа, перечисленные в списке, входили в состав державы Дария до 517 г. н. э., года похода на саков-массагетов³. Вслед за этими областями список переходит к перечислению еще 7 областей в том порядке, в котором они были покорены Дарием, начиная с 5 года его царствования, т. е. с 517 г. На первом месте названы «саки, которые за морем», т. е. саки-массагеты, пребывавшие к востоку от Аральского моря, рассматривавшегося тогда в западном Иране как часть Каспийского моря. Поэтому саки-массагеты могли быть названы, подобно европейским скифам, «саками, которые за морем». Перечисление саков-массагетов отдельно от саков амиргийских и саков с остроконечными шапками свидетельствует о выделении их территории в самостоятельную область. Она, очевидно, соответствовала

¹ В. В. Струве, Поход Дария I на саков-массагетов, ИАН ОИФ, 1946, № 3, стр. 243.

² В перечень стран этой надписи в противоположность Бехистунскому списку не включена Персия.

³ Упоминание здесь амиргийских саков и саков с остроконечными шапками не противоречит моему хронологическому определению. Упомянутые саки были тождественны тем племенам большого сакского народа, которые были подвластны еще Киру и Камбизу. Действительно, амиргийские саки были связаны с бактрийской сатрапией (Her., VII, 64), а часть саков с остроконечными шапками входила в состав мидийской сатрапии вместе с гирканцами (Her., III, 92). Ср. В. В. Струве, Поход Дария I на саков-массагетов, ИАН ОИФ, 1946, № 3, стр. 239.

пятнадцатой сатрапии списка Геродота (III, 93) в состав которой входили саки¹ и каспии². Вслед за «саками, которые за морем», покоренными в 517 г., Накширустемский список перечисляет «скудра», т. е. фракийцев и «ионийцев щит носящих», т. е. греков европейского материка. Те и другие были побеждены Мегабазом, полководцем царя Дария, после похода на скифов Причерноморья, т. е. около 512 г. до н. э.³ Согласно повествованию Геродота, «в то самое время, как Мегабаз занят был этим, состоялся другой большой поход, на Ливию» (IV, 145), в результате которого была взята Барка (Her., IV, 200, 203). Ливии соответствует в Накширустемском списке и в списке надписи о дэвах народ «putaya»⁴, упомянутый в первом из названных списков вслед за «ионийцами щит носящими». Вероятно, в связи с походом на Ливию был организован и поход на Нубию. Дарий, отомстивший в 517 г. сакам-массагетам за поражение и смерть Кира, должен был отомстить и нубийцам за то поражение, которое они нанесли Камбизу. Поход войска Дария увенчался успехом, и северная Нубия была покорена. По крайней мере еще под 37 г. Дария в одном официальном демотическом документе говорится о «мятежниках в Нубии»⁵. Согласно Геродоту (VII, 70), «живущие выше Египта эфиопы», то есть нубийцы, входили в состав войска Ксеркса. В Накширустемском списке Нубии, гебр. нубийцам, соответствует «kysiya», следующее за «putaya» — Ливией.

На предпоследнем месте разбираемого списка названы «масиуа», т. е. жители страны «Мака», имя которой приводят Бехистунский и Персепольский списки. Древнеперсидское «Мака» соответствует современному Макрану, юго-восточной окраине Ирана. Надо полагать, что после 512 г. эта область, граничащая с богатой золотом индийской сатрапией, была полностью покорена, чтобы обезопасить сухопутную связь с долиной Инда. Тогда, очевидно, стали подвластны персам и азиатские эфиопы, входившие в состав XVII сатрапии списка Геродота (III, 94) и предоставившие бойцов войску Ксеркса (Her., VII, 70). По мнению Ф. Г. Мищенко, азиатских эфиопов следует локализовать на реке Инде в Гедрозии и Кремании⁶.

В той же надписи упоминаются, как мы выше видели, и представители народа «карка», названного в Накширустемском списке на последнем месте. Исследователи колеблются в вопросе об их этническом определении. Одни отождествляют их с киликийцами, а другие с карийцами⁷. Я лично полагаю, что в «карка» древнеперсидских надписей следует ви-

¹ Jungé, Saka-Studien, стр. 91, напрасно сомневается в достоверности свидетельства Геродота о наличии в списке сатрапий особой сатрапии, в состав которой входили племена саков. Его указание на то, что Дарий I, согласно свидетельству Бехистунской надписи V, 28—29, назначил после победы над саками правителем покоренной области не сатрапа, а сакского вождя, — не опровергает Геродота. Превращение области саков-массагетов в сатрапию не было проведено, конечно, непосредственно после победы.

² «Каспиями» назывались, надо полагать, те племена саков-массагетов, которые сидели у морского побережья.

³ Her., IV, 143, 144 и V, 1, 2, 10, 12, 14—21, 23—24, 26, 28.

⁴ G. Rosener, La première domination perse en Egypte, Caire, 1936, стр. 186.

⁵ W. Spiegelberg, Drei demotische Schreiben aus der Korrespondenz des Pherendates, des Satrapen Darius' I, mit den Chnumpriestern von Elephantine, Brl., 1928, стр. 14 сл.

⁶ Геродот, История, перевод Ф. Г. Мищенко, т. II, 1886, стр. 245. Если прав Ф. Г. Мищенко, то некоторые из племен азиатских эфиопов являлись той рабочей силой, которая доставляла какое-то ценное дерево для постройки царского дворца в Сузах из страны «Кермана», согласно Сузианской надписи Дария о сооружении дворца. См. В. И. Абаев, Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузе. Сб. «Иранские языки», I (1945), стр. 123, стк. 35 надписи.

⁷ В. И. Абаев, ук. соч., стр. 131.

деть карийцев, часть которых, а именно «педасей, покорены были не скоро» (Н е г., I, 174). Вероятно, они были окончательно покорены лишь при Дарии, и их территория вместе с другими горными областями юго-западной части Малой Азии была организована в самостоятельный округ, взамен «Ионии материка», которая была включена после похода против скифов Причерноморья в Лидийскую сатрапию¹.

Установив, таким образом, что в основе перечисления Накширустемского списка лежит исторический, а не географический принцип, мы можем отождествить теперь «саков, которые за морем», со среднеазиатскими саками-массагетами, а не со скифами Причерноморья. За такое отождествление «саков, которые за морем» Накширустемского списка говорит со всей определенностью и свидетельство надписи Ксеркса о дэвах. В списке стран и народов этой надписи мы находим наряду с саками амиргийскими и саками с остроконечными шапками еще одно этническое название, не встречавшееся в других персидских надписях, а именно «daḥa» — «даха», «даи» греческих историков. Два народа саков и народ «даха» перечислены вслед за каппадокийской сатрапией в следующем порядке: «даха, саки амиргийские, саки с остроконечными шапками». За ними следуют в списке следующие народы: «фракийцы, жители горной страны [т. е. македонцы], ливийцы, карийцы, кушиты». «Кушитами» (т. е. нубийцами) заканчивается в надписи о дэвах список, перечислявший всего 30 народов, герр. стран.

Для этнического термина «даха» имеется эквивалент и в списке стран Накширустемской надписи а Дария, так как эта последняя послужила образцом для составителя надписи о дэвах. На это указывает и общее построение обеих надписей и почти полная тождественность первых трех разделов того и другого эпиграфического памятника. Почти тождественными являются списки сатрапий, приведенные в третьем разделе обеих надписей. Единственным отличием списков является лишь то обстоятельство, что в Накширустемской надписи перечислены 29, а в надписи о дэвах — 30 сатрапий. Лишняя сатрапия надписи о дэвах — «Акауфачия» «жители горной страны» соответствует Македонии. Исключив Македонию из списка сатрапий надписи о дэвах, мы получаем те же 29 сатрапий, что и в Накширустемском списке.

Названия 28 из этих 29 сатрапий засвидетельствованы и в трех других списках времени правления Дария — в Бехистунском, Персепольском и Сузианском, причем названия этих 28 сатрапий в Накширустемской надписи Дария и в надписи Ксеркса совпадают. Отсутствуют соответствия лишь для саков «которые за морем» надписи Дария и «даха» надписи Ксеркса. Поскольку названия всех прочих 28 сатрапий в обеих надписях соответствуют друг другу, то, следовательно, два оставшиеся без соответствия названия сатрапий — область «саков, которые за морем» Накширустемской надписи и область «даха» («даев») надписи о дэвах должны по существу соответствовать друг другу. Таким образом, в результате сопоставления Накширустемского списка и списка надписи о дэвах мы приходим к определенному выводу, что «саки, которые за морем» отнюдь не являются скифами Причерноморья, а должны быть отождествлены с «даха» («даями»), народом Средней Азии. «Саки, которые за морем» были выделены при Ксерксе среди прочих сакеких племен новым этническим названием «даха» вследствие более близкого знакомства с характерными особенностями этих племен саков-массагетов.

¹ Поэтому, очевидно, после подавления мятежа в Милете «окрестности города и равнину заняли сами персы, а горные области отдали в собственность карийцам педасейским» (Н е г., VI, 20)

Дальнейшее подтверждение моего положения, что «саки, которые за морем» не имеют ничего общего со скифами черноморских степей, я нахожу в свидетельстве надписи на документах основоположения дворцов Дария I в Персеполе и Экбатане¹. Здесь определены крайние границы мировой персидской державы, начиная «с саков, которые за Согдом, вплоть до кушитов, от Индии вплоть до Лидии». Область «саков за Согдом» являлась, очевидно, пределом державы Дария (мира по представлению персов) на севере, область кушитов — на юге, Индия — на востоке и Лидия — на западе². Следовательно, «саки за Согдом» пребывали на крайней границе мира, подобно «сакам, которые за морем» Накширустемской надписи *a*.

Действительно, вавилонский перевод древнеперсидского выражения «*sakā tyaiy paraḍrayā*» — «саки, которые за морем», доказывает нам, что «море», за которым саки пребывали, считалось тем океаном, который омывал пределы вселенной. Вавилонский писец не транскрибировал иранское племенное наименование «*sakā*», а передавал его словом «*gimīr*», *gesp.* «*gimīrī*», т. е. тем этническим термином, которым ассирийские писцы называли северные варварские племена. Столь же своеобразно переводилось в вавилонском тексте Накширустемской надписи *a* и древнеперсидское слово «*ḍrayā*» — «море»: «страна Гимир берега далекого реки горькой (*pari marratum*)»; соответствующая «*ḍrayā*» — «морю» персидского текста «река горькая» является тождественной с тем океаном, который на карте мира нововавилонской эпохи, подобно кольцу, окружает землю³. Современники Дария должны были, следовательно, видеть в «саках, которые за морем», племена, пребывавшие на берегу того моря, которое окружало мир. Эти саки конца мира были названы, как мы выше видели, в документах основоположения дворцов Дария I «саками, которые за Согдом» и были, следовательно, локализованы в той части побережья моря, окаймляющего землю, которая примыкает к окраине Ирана, а не к области фракийцев.

Саки конца мира связаны со среднеазиатскими владениями Дария и еще в одном документе, который в последнее время, правда, не вполне правильно, интерпретируется. Я имею в виду открытую знаменитым русским египтологом В. С. Голенищевым в 1889 г. близ Тель-эль-Масхута, на бывшем Суэцком перешейке, большую, сильно фрагментированную иероглифическую стелу, принадлежащую к числу воздвигнутых Дарием I эпитафических памятников⁴.

Второй ярус стелы, в состоянии ее полной сохранности, был заполнен горизонтальной полосой с 24 зубчатыми овалами. Последние содержат

¹ Надпись была издана S. Smith в JRAS, 1926, стр. 433—436, и E. Herzfeld, *Altperers. Inschriften*, стр. 19. Русские переводы надписи В. И. Абаева — в *Хрестоматии по древней истории*, т. I, стр. 97, и В. В. Струве, *Поход Дария I на саков-массагетов*, ИАН ОИФ, 1946, № 3, стр. 240.

² Лидийская сатрапия обнимала собой, как мы выше видели, и западное побережье Малой Азии.

³ *Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum*, XXII, табл. 48, и стр. 12. Указанная карта восходит, правда, к началу I тысячелетия до н. э., но тот факт, что она была скопирована со всеми объяснительными текстами в нововавилонскую эпоху, доказывает использование ее в писцовых школах Вавилонии еще во времена, близкие Дарию I. Даже Геродот в середине V в. мог ознакомиться с подобными картами, хотя он и смеялся над их составителями, по начертанию которых «Океан обтекает землю кругом, причем земля представляется кругообразною, как бы циркулем сделанной» (IV, 36^б ср. X, 49).

⁴ В. С. Голенищев, *Stèle de Darius aux environs de Tell el-Maskhutah*, *Rec. trav.*, XIII (1890), стр. 27; ср. Б. А. Тураев, *Скифия в иероглифической надписи*, Сб. в честь С. Ф. Платонова, Спб., 1914, стр. 1 сл.

по одному изображенному иероглифами имени из числа подвластных Дарию стран. Каждое из имен детерминировано знаком чужеземной страны, кроме имени Египта, детерминированного иероглифом «города»¹. Над каждым овалом изображен коленопреклоненный представитель названной в нем страны с молитвенно поднятыми руками. В центре горизонтальной полосы вырезана одна вертикальная иероглифическая строка, содержащая заявление божества о даровании Дарию всего мира. Эта строка разделяет 24 овала на две равночисленные группы. Коленопреклоненные фигуры и иероглифы 12 овалов левой стороны горизонтальной полосы обращены направо, а изображения и знаки надписей 12 овалов правой стороны обращены налево. В овалах левой стороны были вписаны названия областей Ирана, а 12 овалов правой стороны были предоставлены для названий иранских стран.

Последний, т. е. двенадцатый овал левой стороны, содержит надпись, состоящую из следующих иероглифов. На первом месте группа из трех иероглифов, имеющая фонетическое значение «sk». Она детерминирована знаком чужеземной страны. За этим детерминативом следует знак, читаемый «rh» и соответствующий в подобном изолированном написании или слову «достигать» (WB, I, стр. 533), или слову «конец» (WB, I, стр. 535). Иероглиф «rh» сменяется той же группой из трех знаков, с фонетическим значением «sk», которую мы уже встретили на первом месте надписи. Здесь она лишена детерминатива чужеземной страны, и в таком случае ее семантическое значение может соответствовать глаголу «sk». — «уничтожить» (WB, IV, стр. 312). Заключением надписи овала является группа иероглифов, обозначающая слово «t'» — «земля». В. С. Голенищев и Б. А. Тураев, интерпретируя надпись овала, разбили ее на две части. Первую группу иероглифов, отделенную от остальной надписи детерминативом чужеземной страны, они определили как название страны саков, а во второй группе знаков они искали выражение особой характеристики названной страны. Перевод надписи овала, предложенный В. С. Голенищевым, гласил: «Les Saces des dernières limites du monde» (ук. соч., стр. 102). Интерпретация надписи у Б. А. Тураева по существу не расходится с пониманием В. С. Голенищева: «Страна Саков, достигающая предела земли», то есть граничащая с краем света» (Б. А. Тураев, ук. соч., стр. 4). Г. Позенер предложил новую интерпретацию последнего имени списка областей Ирана в надписи из Тель-эль-Махсута: «саки болот, саки долин» (ук. соч., стр. 54 и 184—185). Автор снабжает свой перевод вопросительным знаком, но тем не менее его толкование надписи было принято рядом исследователей (Юнге, Кент, Камерон). Я лично полагаю, что интерпретация французского египтолога не может преодолеть те затруднения, которые стоят перед ней.

Первым из этих затруднений является тот факт, что над овалом с именем страны саков изображена лишь одна коленопреклоненная фигура, как и над всеми остальными овалами. Среди же изображений подвластных народов на древнеперсидских рельефах мы находим представителей всех трех сакских народов.

Предположение упоминания в последнем из овалов левой стороны второго яруса стелы из Тель-Махсута двух сакских народов противоречит также тому факту, что как на левой, так и на правой сторонах перечислены по 12 имен подвластных стран.

Затруднением является и то обстоятельство, что мы в разбираемой

¹ Овал с названием Египта сохранился на одном из фрагментов другой Суэской иероглифической стелы, а именно стелы из Кабрета. см. G. Posener, La première domination Pese en Egypte, Caire, 1936, табл. V, фрз. 21.

надписи находим, как и в надписях прочих овалов, лишь один детерминатив чужеземной страны. Предположение, что вторичное написание имени страны саков могло бы быть лишено детерминатива чужеземной страны, является весьма невероятным¹. Предполагаемое интерпретацией Г. Позенера противопоставление слова «rh», — «болото» слову «t³» — «земля», как «долине», в текстах не засвидетельствовано. В связи с этим следует указать и еще на одно орфографическое затруднение, а именно на то, что слова «rh» — «болото» нельзя написать одним лишь иероглифом «rh» (См. WB, I, стр. 538).

Все эти указанные затруднения заставляют меня отказаться от перевода, предложенного Г. Позенером, и вернуться по существу к старой интерпретации В. С. Голенищева и Б. А. Тураева. Оба русских ученые предложили толкование иероглифического имени страны саков, близкое к значению имени «саков, которые за морем» Накширустемской надписи *a*, то есть саков, обитающих у моря, омывающего крайние границы мира. Египетский писец в своем переводе имени страны саков далекого берега окружающего землю океана в основном, конечно, подчеркивал ее связь с концом земли, но страсть к игре слов² заставила его ввести еще глагол «sk» — «уничтожать», ради созвучия с самим именем саков. Таким образом, получилось то своеобразное иероглифическое написание имени страны саков, которое, может быть, найдет свое соответствие в следующем переводе: «страна саков конца уничтожающего землю».

Если можно согласиться с моим толкованием имени страны саков в стэле из Тель-эль-Масхута, то мы находим и в названной иероглифической надписи Дария подтверждение того, что «саки, которые за морем» Накширустемской надписи связаны не с Причерноморьем, а со среднеазиатскими областями персидской державы. Тем самым теряет свою силу последний довод в пользу утверждения, что в списках подвластных Дарию и Ксерксу народов перечислялись и саки черноморских степей. Отсутствие их в указанных списках с несомненностью доказывает, что даже официальная персидская традиция должна была безоговорочно признать неудачу скифского похода Дария I и полный успех скифов Причерноморья в отражении персидского нашествия. Следовательно, сами надписи Дария I помогают нам осветить один из самых героических подвигов причерноморских скифов, судьбы которых столь близки древней истории славянских народов.

¹ Это признает и сам автор (ук. соч., стр. 54). Ссылка его на недостаток места не является убедительной. Для столь существенного детерминатива место в овале, конечно, нашлось бы.

² Ср. В. А. Тураев, Египетская литература, М., 1920, стр. 205.